

больше там не появишься».

«Госпожа моя, – сказал Лис, – в мире не все происходит так, как мы ожидаем. Многие жаждут заполучить то, с чем потом приходится расстаться. Я иду туда не по своей воле, но утешайся тем, что в моем сердце нет страха. Надеюсь, что не задержусь более пяти дней».

С этими словами он покинул дом и вместе с Гримбертом отправился во дворец. Когда они шли лугом, Лис обратился к своему спутнику:

«Послушай, со времени моей последней исповеди я натворил много хитрых козней, и мне хотелось бы, чтобы ты опять выслушал мой рассказ обо всех прегрешениях. По моему наущению с Медведя содрали кусок шкуры, из которой потом сшили для меня котомку, а Волк и его жена лишились своих сапожек. Я совсем заморочил королю голову байками о том, что Волк с Медведем замыслили против него заговор и хотели его убить, отчего он, конечно, впал в ярость и разгневался на них. А они-то этого вовсе не заслуживают. Еще я рассказал королю про богатейший клад, спрятанный в Гюльстерло, от которого, правда, ему не будет пользы, потому что клада-то никакого нет. Потом я повел с собой Барана Беллина и Зайца Киварта, Зайца загрыз, а его голову отдал Барану и велел передать королю. А еще я поймал Кролика, вцепившись ему между ушами, да так, что тот чуть жизни не лишился. Но ему все-таки удалось вырваться и сбежать. Очень уж он прыткий. И у Ворона со мной свои счеты, потому что я проглотил его жену Шарпебек».

Когда я в прошлый раз облегал перед тобой душу, я совсем позабыл кое-что, и с тех пор это не дает мне покоя. Слушай, я расскажу тебе сейчас еще об одном великом обмане. Однажды прогуливались мы с Волком где-то между Хутхульстом и Эльвердингом, вдруг видим: пасется рыжая Кобыла, а с ней Жеребенок трех месяцев от роду, славенький и жирненький. Изегрим, как всегда, был до смерти голоден и послал меня спросить Кобылу, не продаст ли она своего Жеребенка и сколько за него попросит. Я сделал, как было велено, и пошел к Кобыле. Она сказала, что отдаст Жеребенка за хорошие деньги. А когда я поинтересовался, сколько она хочет, Кобыла ответила, что цена написана у нее на заднем копыте.

„Коли ты учен и грамотен, пойд и сам прочти“.

Я сразу смекнул, что к чему, и говорю ей:

„Нет, я грамоте не обучен, да и вообще мне Жеребенок твой не нужен. Это меня Изегрим послал спросить цену“.

„Ну что же, – сказала тогда Кобыла, – пусть идет сюда и сам прочтает, что там написано“.

Я бросился назад к Изегриму и говорю ему:

„Дядюшка, коли ты хочешь набить свое брюхо, ступай сейчас к Кобыле – она уже ждет тебя – и прочитай, что написано у нее под задним копытом. Тогда узнаешь, сколько стоит Жеребенок. Я бы и сам прочел, но не знаю ни одной буквы, к великому моему огорчению. Я ведь не ходил в школу. Ну как, дядя, купишь ты этого Жеребенка? Ты ведь обучен грамоте?“

„Конечно, племянничек, мне это не составит труда. Ведь я понимаю по-английски, по-французски, по-латыни и по-голландски. Я прошел курс наук в Оксфорде, я слушал лекции distinguished докторов и сам дискутировал с ними. Я могу с легкостью прочесть любое научное сочинение. Разумеется, я сейчас же отправляюсь к ней и выясню, какую плату она хочет“.

Он велел мне дожидаться его на том же месте, а сам бросился к Кобыле. Когда он спросил, за какую же цену она отдаст своего Жеребенка, она ответила, что сумма проставлена на ее копыте. Тогда Волк попросил разрешения взглянуть, и она приподняла свою заднюю ногу с железной подковой, которая держалась на шести крепких гвоздях, и со всей силы ударила его прямо по голове, да так, что он свалился замертво. Можно было проехать целую милю за то время, что он пролежал без сознания. Оставив раненого Изегрима валяться на траве, Кобыла с Жеребенком пошли прочь. А он лежал, истекая кровью, и завывал как собака. Я тогда подошел к нему и сказал:

„Милый дядюшка, сир Изегрим, как твои дела? Наелся ли ты жеребятины? Твой желудок полон? Почему же ты не отдал моей доли, ведь я сделал все, как ты просил. Твой послеобеденный сон уже закончен? Тогда расскажи мне, умоляю, что же было написано на ее копыте? Проза или стихи? Я просто умираю от любопытства. Наверное, это был хорал? Мне слышалось, как будто ты пел. Ты ведь такой мудрый и ученый, что же там написано?“

„Увы, Рейnard, перестань надо мной насмехаться. Я так пострадал и так изранен, что и самое жестокое сердце могло бы сжалиться надо мной. Эта длинноногая дрянь так ударила меня своим железным копытом, что я думал, моя голова разлетится на куски. А буквы – это, наверное, шесть гвоздей, от которых у меня в черепе остались огромные раны. Не хотелось бы мне больше читать